

Straipsnis yra įdomus ir naudingas, tačiau jame pasigendame mūsų dienų naujadarų pavyzdžių, vaizduojančių socializmo sukūrimą Vokietijos Demokratinėje Respublikoje.

Spaudoje ir dabartinių rašytojų veikaluose mes kiekviename žingsnyje susiduriame su tokiais naujai susikūrusiais žodžiais, kurių, deja, autorius savo straipsnyje nemini.

Iš viso, reikia pasakyti, kad žurnale galėtų būti daugiau medžiagos, analizuojančios vokiečių kalbą socializmo kūrimo sąlygomis. Skaitydami vokiškus laikraščius ir žurnalus, sutinkame daug sutrumpinimų, kurie ne tik mums, užsieniečiams, bet, tur būt, ir daugeliui vokiečių ne visada suprantami. Literatūroje kalbos klausimais dažnai pasigirsta balsų prieš tokius sutrumpinimus. Žurnale „Sprachpflege“, bent paskutiniųjų metų numeruose, be O. Grotevolio paskaitos aptarimo, nėra nė vieno didesnio straipsnio, kur rimtai būtų pasisakoma prieš abreviatūras.

Žurnalas „Sprachpflege“ gana plačiai paplitęs Tarybų Sąjungoje. Dėl savo tematikos įvairumo ir jos aktualumo bei praktiškumo žurnalas naudingas ne tik vokiečiui, bet rekomenduotinas ir kiekvienam mūsų germanistui.

I. Vladimirovienė ir R. Toper

В. А. КОЧЕРГИНА. НАЧАЛЬНЫЙ КУРС САНСКРИТА

(Изд. АН СССР, М., 1956, 196 стр. Институт языкознания АН СССР.
Московский Гос. университет им. М. В. Ломоносова)

Санскритом в нашей стране интересуются не только языковеды, для которых основательное знакомство с ним является необходимым условием успешного изучения сравнительной грамматики индоевропейских языков и исторической грамматики русского, а также других славянских и балтийских языков. Еще в большей мере санскрит необходим всем желающим ближе ознакомиться с богатым культурным наследием индийского народа. Санскрит должны знать и филологи, и историки, и философы.

Однако пособия по изучению санскрита долго у нас не хватало. Изданные в дореволюционное время учебники санскрита на русском языке¹ для многих языковедов являются трудно доступными. Еще менее доступны учебник проф. Г. С. Ахведиани на грузинском языке². Понятно поэтому, что появление нового учебника для начинающих изучать санскрит было встречено с большим интересом, а участие в его составлении и издании таких солидных научных учреждений, как Институт языкознания Академии наук СССР и Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова, казалось бы, обещало его доброкачественность. Автор учебника, молодой лингвист В. А. Кочергина, имеющий

¹ В. Ф. Миллер и Ф. И. Кнауэр. Руководство к изучению санскрита, СПб, 1891; Ф. И. Кнауэр. Учебник санскритского языка, Лейпциг, 1908; Д. Н. Кудрявский. Начальный курс санскритского языка, Юрьев, 1917.

² Г. С. Ахведиани. Санскрит. Краткая грамматика и отрывки из классического санскрита и Ригведы, Тифлис, 1920.

уже некоторый опыт в преподавании санскрита, повидимому, старался придать ему наглядность и занимательность, разбив грамматический материал на 26 занятий и снабдив их упражнениями. В. А. Кочергина проявляет некоторую оригинальность, стараясь облегчить изучение письма devanāgarī, постепенно, в продолжении пяти занятий вводя студента в тайны индийской письменности. Все парадигмы даются в учебнике не только шрифтом devanāgarī, но и в латинской транскрипции.

Однако необходимо отметить, что учебник содержит в себе чрезвычайно много ошибок, которые, к сожалению, не всегда можно объяснить опечатками. Да и опечаток в серьезном учебнике не должно быть. Наши издательства обязаны оберегать от них молодых лингвистов, которых необходимо воспитывать аккуратными и точными. С неряшливостью в письме и в печати необходимо вести самую неумолимую борьбу.

Кроме того, учебник В. А. Кочергиной, несмотря на все ее старания, все же не является интересным. В нем крайне мало иллюстраций грамматического материала в виде отдельных кратких предложений, которые студент должен проработать прежде чем начинать чтение связного текста из Махабхараты. Часто в отдельных занятиях даются предложения, встречающиеся в тексте эпизода Савитри, которые, будучи вырванными из контекста, делаются трудно понимаемыми. Из богатой санскритской литературы не трудно было подобрать много более легких, вполне доступных для общего понимания предложений, сентенций, шлоков, иллюстрирующих тот или другой раздел грамматики. Почему В. А. Кочергина не смогла этого сделать?

В. А. Кочергина также совершенно избегает этимологий и каких бы то ни было сравнений с другими индоевропейскими языками, которые в значительной мере повысили бы занимательность самого учебника и помогли бы лучше усвоить санскритскую лексику, с первого взгляда часто кажущуюся совершенно отдаленной, но при сравнении нередко начинающую сиять особым, странно знакомым светом.

Все эти досадные недостатки в значительной степени умаляют ценность учебника, который поэтому, к сожалению, приходится ставить несомненно ниже хорошо известных, например, немецких учебников санскрита, составленных Штенцлером, Гайгером или Бюлером, или польского учебника санскрита, составленного Гавроньским³.

Прорабатывая учебник В. А. Кочергиной со студентами Вильнюсского Гос. университета, я заметил еще многие погрешности в деталях.

На 14 стр., а также в словаре, на 191 стр., дается *si* с переводом „хорошо; очень“. Необходимо указать, что *si* нигде не встречается как отдельное слово, а всегда является лишь префиксом, употребляемым перед именами существительными и прилагательными. Например, *sukham* „приятное, радость, счастье“; *sulabhas, -ā, -am* „легко достижимый“.

³ A. F. Stenzler. Elementarbuch der Sanskrit-Sprache, Giessen, 1923; W. Geiger. Elementarbuch des Sanskrit, Berlin und Leipzig, 1923; G. Bühler. Leitfaden für den Elementarcursus des Sanskrit, Wien, 1909; A. Gawronski. Podręcznik sanskrytu, Kraków, 1932.

На 25 стр. ошибочно напечатано *api idanim*; надо — *api idānīm*. Та же ошибка тут же повторяется и письмом *devanāgarī*.

На 26 стр. имеется пример *tu āha* „но (он) сказал“. Необходимо указать, что *tu* никогда не употребляется в начале фразы.

На 27 стр. не совсем точно объясняются правила более позднего динамического ударения. В отличие от латинского языка, ударение санскритских слов распространяется и на четвертый от конца слог. Ударение ставится на четвертом от конца слоге, если второй и третий являются краткими. Например, *vyākaraṇam* „грамматика“ имеет ударение на четвертом от конца слоге.

На 28 стр. имеется досадная ошибка в письме *devanāgarī* (*āsin madreṣu*), которую уже никак нельзя объяснить опечаткой. Следует читать *āsin madreṣu*.

Точно такая же ошибка имеется на 30 стр. даже в парадигме. Вместо *patāvāhe* надо читать *patāvahe*.

На 31 стр. вместо *caturthe 'hāni* должно быть *caturthe 'hani*.

На 32 стр. в упражнениях дается неправильная форма ном. pl. *dinās* вместо *dināni* (*dīnam* — среднего рода!).

На 47 стр. напрасно *анусвара* смешивается с *анунасикой*: *apataṁśca* (по транскрипции В. А. Кочергиной — *apataṁṣca*) должно иметь *анусвару*, а не *анунасику*, которая встречается лишь в соединении с *l* (назализованный *l*).

На 50 стр. имеющееся *vṛddhi* — не пассивное причастие от глагола *vardh*, как указывает В. А. Кочергина, а существительное с суффиксом *-ti*.

На 51 стр. совершенно неправильно указывается образование основ глаголов I класса, где в корне всегда имеется звуковой вид *guṇa*, исключая случаи, когда в *долгом закрытом* слоге гласный корня чередованию гласных не поддается, как напр., *jīvati*, *nindati*.

На 52 стр. автор учебника обнаруживает уже полное непонимание понятий *guṇa* и *vṛddhi*. В учебнике читаем: „Гласные *guṇa* перед тематическим *a* изменяются в соответствующие *vṛddhi*, т. е. *e* > *ai* и *o* > *au*, причем в основе настоящего времени *ai* + *a* > *aya*, *au* + *a* > *ava*“. На самом деле, *e* и *o* перед *a* (*aya* и *ava*) остаются в том же *guṇa*. Звуковой вид *vṛddhi* был бы *āya* и *āva*.

На 58 стр. имеется непонятное выражение „отсутствует гласный основы“ (у глаголов второго спряжения). Какой гласный? Может быть, тот, который имеется в корне? Правильнее было бы сказать, что основа настоящего времени тут совпадает с корнем, который выступает в среднем и в слабом звуковом виде.

На 61 стр. неправильно говорится, что „перед *ni* / *nā* исчезает носовой звук внутри корня“. В форме *badhnāmi* имеется слабый звуковой вид корня *bndh-*, где, согласно фонетическим законам санскрита, сонантическое *n* превращается в *a*.

На 63 стр. неправильно указывается: *karo* + *am* > *karau* + *am* > *karavam*. *karo* + *am* не превращается в *karau* + *am*. Санскритский *o* сам по себе яв-

лется дифтонгом *au*, который мы в латинской транскрипции передаем через *o* и так произносим в школе.

На 64 стр. в парадигме двойственного числа имеется ошибка. Вместо *kurvūyātāt* следует читать *kurvūyātām*.

На 69 стр. *kariṣyāmī* следует читать *kariṣyāmī*.

На 75 стр. имеется несколько ошибок, среди которых самая досадная — *nātmāt* (ген. pl.) вместо правильного *nātmām*.

На 84 стр. *kaṛaṇīya* должен иметь церебральный (а не зубной) *n*.

Это еще далеко не все ошибки и недостатки учебника В. А. Кочергиной. От них обязательно надо постараться избавиться при повторном издании учебника, которого ожидают многие любители языка и культуры древней Индии.

Р. П. Миронас

TAUTOSAKOS IR LITERATŪROS LEIDINIŲ ŽODYNĖLIAI

Tarybiniais metais išleista nemaža tautosakos rinkinių, kurių vieni sudaryti pirmą kartą, kiti skelbiami pakartotinai, nes ankstesni leidimai šiaudien jau yra virtę sunkiai prieinama retenybe. Dar daugiau turime mūsų žymesnių rašytojų raštų naujų leidimų. Tuose tautosakos ir atskirų rašytojų kūrybos rinkiniuose labai dažnai randame įdėtą žodynėlį — kelių, keliolikos ar kelių dešimčių puslapių paraidžiui sutvarkytą kai kurių tekste vartojamų žodžių sąrašą su trumpais paaiškinimais. Tokie žodynėliai šiaudien jau yra virtę gražia tradicija, ir nuo jų tam tikros rūšies leidiniuose, be abejo, nebus atsisakyta ir ateityje. Sudarytojams tikėtai reikėtų dar labiau negu iki šiol rūpintis, kad iš tų žodynėlių visiems būtų kuo daugiausia naudos.

Tautosakos ar literatūros leidinio žodynėlio vertę, aiškus dalykas, labiausiai nulemia žodžių atranka. Į žodynėlius, paprastai, yra dedami retesni ir ne visiems žinomi ir aiškūs žodžiai. Nors visi žodynėliai daugiau ar mažiau remiasi šiuo atrankos principu, praktiškai tuo atžvilgiu jie nėra vienodi. Vienur žodžio retumas, neaiškumas yra sutapatinamas su tuo, kad jis „neliteratūriškas“, nevartojamas ir netinka vartoti dabartinei mūsų literatūrinei kalbai. Taip atsiranda žodynėliai, kuriuose labai daug vietos užima barbarizmai bei žargonybės ir kuriuos beveik būtų galima pavadinti nevartotinų žodžių žodynėliais. Kitur žodžio retumas suprantamas teisingiau ir jungiamas su žodžio būdingumu rašytojui ar tautosakai. Taip atsiranda žodynėliai, vaizduoją kūrinių leksikos specifiką ir rodą jų indėlį į bendrąją lietuvių kalbos leksikos lobyną.

Pirmojo tipo žodynėlių pavyzdžiu gali būti tautosakos rinkinio „Patarlės ir priežodžiai“, šiaipjau gražaus ir naudingo leidinio, žodynėlis¹, turintis 235 žodžius. Iš jų tik 38 savo kilme yra lietuviški: *anuoti, aplaminti, ašvienis, bizas, čiukuras, didžiulis, dykai, dovis, druktas* (turi būti *drūktas*), *dvy-*

¹ Patarlės ir priežodžiai, V., 1958. 448—454 psl.